

Погода стояла прекрасная — как будто прошлой ночью и не было никакого дождя. Только почти высохшие лужи служили напоминанием об этом природном явлении. Миротворительный вид улицы дополняли бегущие по тротуарам дети, прогуливающиеся дамы и важно вышагивающие мужчины... Гэлбрайт решил, как всегда, занять себя разглядыванием вывесок — по какой-то причине это доставляло ему особое удовольствие. Возможно, это было связано с тем, что в местечке близ Глостера, где он провел своё детство, ему никогда не приходилось видеть ярких витрин или реклам — ибо магазины, которые он там посещал вместе со своими родителями, по большому счёту были скромными палатками, стоявшими под открытым небом. По крайней мере, так было в шестидесятые годы двадцатого века — о том, что происходило на его родине сейчас, инспектор не мог знать ввиду многих факторов.

Внимание Гэлбрайта привлекла вывеска небольшой кондитерской, приютившейся рядом со зданием «The Faux Museum». На стекле висела маленькая табличка с надписью «Закрито» и с каким-то телефонным номером под ней, обведенным красным карандашом. Но внимание полицейского инспектора привлекло не это, а нечто совершенно другое. Над самой дверью висела розовая вывеска, на которой справа от красиво изображенного кекса и высокого стакана большими печатными буквами было написано «Beverages & Deserts». Гэлбрайт протер глаза — но нет, он не ошибся — в слове «Desserts» третья буква почему-то ушла в самый конец.

Судя по всему, владелец этой кондитерской был иммигрантом из-за Железного занавеса, где это слово и в самом деле пишется с одной «эс», но Гэлбрайт не успел закончить свою мысль, потому что он, не заметив бордюра, споткнулся об него. Ещё секунда, и он, потеряв равновесие, неминуемо полетел бы вниз на мокрый от вчерашнего дождя тротуар, но ему повезло — чьи-то сильные руки успели подхватить его тело. Гэлбрайт увидел над собой зрелое и загорелое лицо с чёрными усами.

— Что, набрались в столь ранний час? — спросил его мужчина со странным акцентом.

Усатый спаситель поставил инспектора на ноги и деловито посмотрел на него.

— Нет-нет, я просто засмотрелся на эту вывеску, — смущенно сказал Гэлбрайт.

— Знаю я вас, американцев, что ни утро, то сразу пьянка, — спокойно ответил мужчина, потягиваясь.

Инспектор хотел ответить незнакомцу, что он вообще-то из Англии, но решил не обижаться по пустякам.

— Хм, а вы тогда какой национальности будете? — задал он вопрос.

Гэлбрайт не был уверен, что действительно хочет знать это, но не убегать же отсюда на самом деле...

— Я? Я немец! — гордо выпалил мужчина ему в ответ.

Так вот что за акцент у него был, понял Гэлбрайт. Инспектор поднял голову — оказалось, что его спаситель стоял у толстой деревянной двери, над которой висела вывеска «Onkel Körble Lichtspielsalon». Последнее слово смутно напомнило Гэлбрайту его родное английское «кинотеатр».

— Тут что, кино показывают? — Гэлбрайт кивнул на надпись.

Его собеседник, казалось, только и ждал, когда этот прохожий спросит его об этом. Толстые

губы немца растянулись в улыбке.

— А как же иначе? Два года назад дядюшка Корбл открыл здесь небольшой кинотеатр для немецких иммигрантов.

Инспектор с сомнением подумал о том, какой такой кинотеатр может располагаться в помещении, в котором до этого явно располагался небольшой магазинчик, но решил не подавать виду.

— А какие именно фильмы у вас можно посмотреть? — спросил он.

— Только те, что на немецком языке, разумеется, — уклончиво ответил немец, — однако если вы совсем не знаете нашего языка, то это вовсе не проблема.

— Могу ли я зайти на сеанс? — Гэлбрайт начало одолевать любопытство.

— Вы как раз вовремя, осталось последнее место.

— Хорошо, тогда я согласен.

Гэлбрайт дал этому немцу немного денег — ровно столько, сколько стоил билет, — и, открыв тяжелую дверь, вошёл в небольшой, но вполне себе просторный зал. В отделке этой комнаты чередовались дерево и кирпич, и вошедшему сюда инспектору показалось, что для полноты обстановки не хватает разве что только растянутых шкур и иных охотничьих трофеев, которые можно было бы развесить по всем стенам. Однако признаки современной американской жизни присутствовали и в этом тускло освещенном заведении — в самом дальнем углу на толстой железной треноге висел белый холст, очевидно, служивший экраном. Перед ним стояли четыре ряда стульев. Всего было двадцать мест, из которых только одно было свободным — по иронии судьбы, оно располагалось ближе всего к выходу.

Контингент, собравшийся в этой комнате с низким потолком, казалось, состоял исключительно из худощавых мужчин средних лет с короткими черными волосами. У более чем половины из них были тонкие чёрные усики, как у билетера, стоявшего у выхода. Гэлбрайт невольно поймал себя на мысли, что его пригласили в это заведение не в последнюю очередь потому, что у него самого была короткая стрижка и усы. Вполне возможно, что билетеру нравились люди других наций, которые в чем-то были похожи на его соотечественников. В ожидании показа фильма зрители тихо переговаривались друг с другом. Инспектор, усевшись на стул с высокой резной спинкой и мягким сиденьем, прислушался к их разговору. Как он и ожидал, он не услышал ни единого слова по-английски — все собравшиеся, как предупредил его билетер, были немцами, которые с какой-то целью иммигрировали со своей исторической родины в Америку, на землю обетованную.

Вскоре над головами зрителей раздался щелчок — видимо, это начал свою работу спрятанный где-то под потолком проектор. Гэлбрайт, устроившись поудобнее на этом не самом подходящем для просмотра фильма стуле, устремил взгляд на экран и с первого же кадра оказался пленён завораживающим зрелищем. Можно было с уверенностью сказать, что дядюшка Корбл, который, по словам билетера, был основателем этого небольшого кинотеатра, не поскупился на такие фильмы, чтобы по окончании сеанса зрители, как бы сильно им не хотелось, не смогли забыть этот поход в кинотеатр.

С самых первых кадров фильм обещал нечто очень загадочное и необычное — посреди красной пустынной местности, которая сильно напомнила Гэлбрайту виды Глен-Каньона, ехал всадник. В его внешности была одна деталь, которая сразу же привлекла внимание инспектора — дело в

том, что у этого молодого человека были совершенно седые волосы, доходившие ему до плеч. Камера оператора неторопливо меняла ракурсы, пока мужчина продолжал пробираться через красные пески.

Изображение было не особенно насыщенным, плюс ко всему экран часто мерцал, из-за чего Гэлбрайт сразу понял, что дядюшка Корбл, открывший это заведение, попросту проигрывал здесь контрабандные немецкие кассеты, предназначенные для домашней видеосистемы, но уж точно не для кинотеатра. Будучи полицейским, Гэлбрайт легко мог предъявить владельцу заведения обвинение в незаконном показе фильмов, но, во-первых, сегодня у него был выходной, а во-вторых, он был настолько увлечён происходящим на экране, что и думать забыл о своих обязанностях.

Тем временем фильм продолжался. Некий невысокий мужчина, одетый в рваные лохмотья, присоединился к седовласому всаднику. Гэлбрайт не мог понять ни единого слова из диалога, который персонажи вели между собой, но особой необходимости в этом не было. Вскоре эти двое вошли в какую-то деревню, и в кадре появились охранники, одетые в какие-то нелепые доспехи, словно сделанные из картона. Длинноволосый мужчина дал им отпор, и тут вдруг произошла такая резкая смена кадра (сопровожаемая громким стуком по клавишам синтезатора), что инспектор невольно вздрогнул на своём стуле. Виды красных пустынь сменились панорамой чёрного космоса, в котором медленно вращался железный восьмигранник с четкими рядами точек на всех поверхностях, символизирующих иллюминаторы. Любопытный плагиат у господина Лукаса, мелькнуло в голове Гэлбрайта. Затем виды пустыни вернулись снова — в сопровождении женского голоса за кадром всё тот же длиноволосый мужчина проезжал по невероятно убогим улицам, где стояли уродливые глиняные статуи.

После этого действие переместилось в закрытое помещение, и теперь оператор щедро снимал интерьеры, которые, по задумке режиссера, видимо, должны были символизировать средневековый замок, но куда больше походили на какую-то мусорную свалку... Уродливые, отвратительные люди обоих полов двигались среди желтоватых камней, деревянных столбов и рваных тряпок. Почти у всех мужчин были длинные седые волосы, несмотря на то, что среди актёров практически не было стариков — видимо, сообразил Гэлбрайт, они просто носили парики. Пожалуй, единственными персонажами среди этого сброда, которые были более или менее похожи на нормальных людей, были монахи — все они были совершенно лысыми, в черных рясах, которые в одной короткой сцене бегали по каменному залу. Судя по сюжету, они, вероятно, всего, искали какие-то рукописи.

Гэлбрайт на самом деле совершенно не понимал того, что происходит на экране. Дело было не только в том, что он не знал немецкого — было просто трудно просто понять, что происходило в этом киновоплощении Содома и Гоморры. Какие-то полуголые женщины, крикливые и хрупкие мужчины — инспектор невольно осознал, что единственным нормальным из всех персонажей был тот самый молодой длиноволосый рыцарь, которого авторы фильма представили в самом начале. Хотя, иногда действие переносилось в совершенно другое место — будто бы в салон некоего космического корабля. Там, рядом с огромным экраном, который, как понял Гэлбрайт, показывал вид из глаз главного героя, ходили люди с короткими волосами, одетые в длинные белые одежды. Актёры, игравшие их, вели себя несколько высокомерно — как будто режиссёр специально хотел создать у своих зрителей впечатление, что в космосе мол все такие совершенные, в то время как на Земле, наоборот, сплошные грязные уроды. Инспектор думал так, потому что считал, что основное действие фильма происходило в Средние века — это было бы, по крайней мере, логично.

Среди всех актёров, которые были задействованы в этом фильме, единственным человеком,

которого Гэлбрайт более-менее знал, был один-единственный Вернер Херцог. Его персонажа, одетого в грязные лохмотья, тот длинноволосый рыцарь вывел из тюрьмы, но увы, экранное время звезды подошло к концу довольно быстро — когда Вернер Херцог начал что-то экспрессивно кричать прямо в камеру, к нему сзади подбежал какой-то охранник с копьем, и в итоге выдающийся актер упал на колени как подкошенный. Гэлбрайт даже почувствовал себя немного оскорбленным — в конце концов, единственный известный ему актер получил так мало экранного времени...

Затем режиссёр показал зрителям домашнюю жизнь главного героя — помимо того, что у него дома была странная комната с белыми стенами, которая, по всей видимости, была какой-то лабораторией, Гэлбрайт обратил внимание на то, что у длинноволосого рыцаря жили хамоватый мальчишка и некая рыжеволосая женщина с миловидным лицом, одетая в грязное платье. По какой-то причине Гэлбрайт сразу понял, что она была любовным интересом главного героя. Затем последовали ещё более странные кадры — длинноволосый рыцарь зашёл в какую-то пещеру, где, сняв парик — без которого, к слову, игравший его актер выглядел каким-то жалким — дождался, пока поблизости приземлится выкрашенный в странные цвета вертолет. Господи, подумал инспектор, что творилось в голове у режиссёра, когда он принимал решения о том, что вставить в свой фильм...

Затем эта масса безликих по своей сути персонажей было разбавлена усатым черноволосым мужчиной с грубым голосом и длинным мечом. Гэлбрайт невольно залюбовался тем, как этот воин затеял драку в какой-то таверне, а потом начал пить на пару с главным героем. Правда, затем последовала довольно вульгарная сцена, где ту самую даму с миловидным лицом грубо раздели прямо перед камерой — инспектор невольно отвел взгляд, когда оператор начал щедро демонстрировать зрителям красоты её обнаженного тела. Дело в том, что Гэлбрайт всегда считал, что кино — это искусство, являющееся пищей для ума, которое не должно потакать низменным инстинктам зрителей...

Затем на экране показали, как главный герой садится в вертолет и взмывает ввысь. Сцена его полета над красными песками запомнилась инспектору как воплощение жестокости абсурда. Ещё смешнее было, когда герою пришлось выпрыгивать из этого летающего колосса, который не преминул эффектно взорваться прямо в воздухе. Гэлбрайт подумал, что это, вероятно, был ответ Голливуду — мол, пока вы там в своих фильмах взрываете на камеру несчастные машины, то в нашей Германии мы взрываем целые вертолеты! Правда, если приглядеться, то было очевидно, что огонь был просто наложен поверх кадра с вертолётom, но это была проблема мастеров спецэффектов, а уж точно не режиссёра.

Затем последовала довольно скучная сцена, где длинноволосый мужчина и его девушка начали совокупляться. Слава Богу, что режиссёр придумал на редкость оригинальный ход — этот момент был продемонстрирован на экране того самого космического корабля, причём поверх кадра был наложен фильтр, чем-то похожий на видение главного злодея из самого популярного блокбастера 1987 года. Да, подумал Гэлбрайт, создатели этого фильма включили свое воображение, когда заимствовали приёмы из зарубежного кино... По какой-то причине инспектор даже обрадовался, когда возлюбленная главного героя была схвачена охранниками. Может быть, потому, что средневековые орудия пыток, показанные во время этой сцены, потрясли его воображение, или, может быть, оттого, что Гэлбрайту хотелось, чтобы в фильме больше не было эротических моментов с этой дамой...

Концовка фильма соответствовала тому, что происходило на экране перед ним. Сначала злодей — маленький, сухонький старичок — одним взмахом меча отсёк голову уже известному зрителям усатому воину. Затем, когда он поднялся на башню, тот самый бродяга из начала фильма начал стрелять в него из бластера. После того, как старик упал в облаке белого дыма,

бродяга начал стрелять во всех, кто стоял в это время вокруг него. Актёру, по-видимому, перед съёмками этой сцены сказали почувствовать себя в амплу обезумевшей обезьяны, которой дали в руки огнестрельное оружие. Затем внезапно с неба начал спускаться восьмиугольный космический корабль, и вся толпа начала театрально опускаться на землю — видимо, по сюжету это должно было означать, что их накачали усыпляющим газом. Люди в белых одеждах отвели длинноволосого рыцаря на корабль, и женщина, которая возглавляла их отряд, отдала свой браслет возлюбленной главного героя.

Гэлбрайту было странно смотреть на всю эту вакханалию, сидя на неудобном деревянном стуле в тёмной комнате, где кроме него находились еще девятнадцать пахнущих потом и сигаретами немцев. Но когда на экране начались финальные титры, он невольно остался сидеть на своём месте, в то время как все остальные, коротко обменявшись впечатлениями, стали покидать зал. Видимо, всё дело было в песне — очень красивый, слегка наивный молодой вокал звучал под убаюкивающие фортепианные аккорды. Инспектора немало удивил тот факт, что текст этой песни был не на немецком, но на английском языке.

В этой песне повествовалось о некоем человеке, которому пришлось жить в чужой империи и играть роль Господа Бога. Как пелось в припеве, последнее было делом не из легких, но раз уж огонь всё еще горит, то почему бы не дать себе шанс... Гэлбрайт понимал, что ему не следует слишком глубоко вникать в смысл песни, главной задачей которой было стать музыкальным фоном для финальных титров, но тот факт, что в ней содержались английские слова, не мог не тронуть его в этом месте, до отказа пропитанным немецким духом...

Когда титры фильма подошли к концу, Гэлбрайт только сейчас заметил, что он был единственным, кто ещё находится в помещении этого нелегального кинотеатра. Вытянувшись во весь свой рост, он встал со стула и, расправляя затёкшие мышцы, вышел из полутемной комнаты. Усатый немец-билетер всё ещё стоял у входа. Инспектор хотел перекинуться с ним несколькими словами относительно того, что он только что увидел.

— Вы сами смотрели этот фильм? — спросил он, протягивая немцу сигарету.

— Как я мог не посмотреть то, что собирался показать зрителям? — с некоторой обидой ответил билетер, принимая подарок.

— Ну, и что вы об этом думаете?

— Понятия не имею, в курсе ли вы, но этот режиссёр, мягко говоря, специализируется на фильмах для взрослых, так что само творение соответствующее, — ответил билетер, делая затяжку.

Гэлбрайт вспомнил кадры полуобнаженных женщин в трущобах и две сцены с обнажённой любовницей главного героя... Да, с этим определением трудно было не согласиться.

— А если копнуть чуть глубже? — не унимался инспектор.

— Хм... Это вообще-то по мотивам русской книги, — словно раскрывая какую-то постыдную тайну, смущенно ответил усатый билетер.

— Вы читали её?

— Не было возможности. Но литературные эксперты говорят, что режиссёр не понял её сути и в итоге снял редкостную ерунду.

«Ерунду... Что ж», — подумал инспектор, — «да, трудно не удержаться от употребления этого слова для описания дикой, абсурдной смеси средневековья, космоса и вертолетов, щедро одобренной уродливым гримом актеров и дешевыми декорациями...»

— Если вы спрашиваете меня об этом фильме, то значит ли это, что он произвел на вас впечатление? — билетер сам решил задать вопрос.

— Мне понравилось, — коротко ответил Гэлбрайт.

Инспектор даже не мог предположить, что он получит в ответ на свою скромную фразу.

— Ха-ха! Если вам, американцу, понравилось бредовое творение не самого лучшего немецкого режиссера, то я даже боюсь представить, до каких глубин опустили ваши собственные кинематографисты!

Гэлбрайт невольно прислонился к стене. А билетер, вытянув вперед руку, в которой он держал дымящуюся сигарету, продолжил свою речь подобно профессиональному критику.

— Оборудование вашего киноконвейера более чем полностью состоит из деталей, украденных в Европе! Вы воруете худшие идеи наших режиссёров и превращаете их в этот, как вы называете, бизнес! Ваше кино не умерло, оно родилось мёртвым! — обвиняющим тоном произнес немец.

«Может быть», — подумал Гэлбрайт, — «я мог бы, наконец, сказать этому гордому немцу, что мне, англичанину, забавно выслушивать оскорбления в адрес чуждой мне культуры?». Хотя в глубине души инспектор понимал, что билетеру было всё равно, какой национальности его слушатель — ему просто хотелось выразить свое разочарование по поводу того факта, что из-за отсутствия работы у себя на родине ему приходилось провозить контрабанду в страну, ненависть к которой он впитал чуть ли не с молоком матери.

— Ладно, ладно, я понимаю, — сказал Гэлбрайт примирительным тоном. — Кстати, вы случайно не сам Корбл?

Билетер прекратил свои антиамериканские разглагольствования и удивленно посмотрел на своего собеседника.

— Вы, наверное, первый, кто спутал меня с дядюшкой Корблом! Его здесь знает каждый немец!

— Ну я-то не немец, — Гэлбрайт лукаво подмигнул ему.

— Я его правая рука, если до вас ещё не дошло, — билетер ударил себя в грудь.

— Тогда удачи вам тут! — махнул рукой инспектор.

С этими словами Гэлбрайт отвернулся от немца и пошёл вверх по улице в хорошем настроении. Прохожие сновали вокруг него взад-вперед по тротуару, взволнованные своими делами. В тот момент мир ему казался удивительно красивым и притягательным. Над городом уже висела ощутимая жара, воздух дрожал, и казалось, что от городских зданий исходило едва заметное свечение. «Просто оптическая иллюзия», — подумал Гэлбрайт. На радостях он зашёл в один из магазинов, разбросанных по всему городу, где он приобрёл для самого себя кусок копчёного мяса и бутылку белого вина — не то чтобы в его холодильнике совсем не оставалось еды, инспектор просто хотел, прежде чем завалиться спать, немного посидеть у окна и, запивая мелко нарезанную буженину алкоголем, поглазеть из окна на улицу, на опавшие листья,

лежавшие на мокром асфальте, и вместе с этим вспомнить всех, с кем у него были хоть какие-то приятные моменты в жизни.

Однако как только Гэлбрайт переступил порог своей квартиры, он вдруг почувствовал, что веселье, казалось, выветрилось у него из головы. Вместо того чтобы накрыть маленький столик у окна и сесть в кресло, инспектор снял лоферы, повесил куртку на всегда открытую кухонную дверь и, убрав копчёную свинину с бутылкой в холодильник, поставил на плиту сковородку. Открыв окно на кухне, он шумно втянул в лёгкие холодный воздух. Гэлбрайту стало немного лучше, и через несколько минут он, собираясь завтра снова идти на работу, начал готовить ужин.

В последнее время Гэлбрайт ленился готовить что-либо сложнее макарон, но в этот вечер он решил сделать небольшое исключение — сегодня он побалует себя омлетом с помидорами. С этой целью он достал из холодильника две штуки вышеупомянутого овоща, раскрошил их и бросил на горячую сковороду. Затем инспектор достал глубокую пластиковую тарелку и разбил в неё три яйца, после чего добавил туда немного молока, щепотку соли и тщательно взбил всё это вилкой — увы, дома у него не было ни миксера, ни венчика. Вылив молочно-яичную смесь на сковороду, Гэлбрайт накрыл её крышкой и, отрегулировав пламя конфорки, отправился к себе в спальню, где он сел на кровать и уставился в окно, за которым уже сгущались сумерки.

Прошло десять минут. Потягиваясь, он встал с кровати и пошёл на кухню, где его уже ждал ужин. Выложив омлет на тарелку, он придвинул стул поближе к столу и принялся за еду. Фрагменты из фильма, который он смотрел в нелегальном кинотеатре для немецких иммигрантов, всё ещё всплывали в его памяти. Инспектор попытался вспомнить, в чём всё-таки заключалась суть этого произведения, но на ум ему лезли только кадры с обнаженной девушкой главного героя. Поняв, что ни к чему хорошему это не приведет, Гэлбрайт решил прокрутить в уме все те фразы, которые произносили другие зрители во время сеанса, но поскольку его знание немецкого языка не позволяло ему понимать подобные фразы на слух, то он быстро прекратил это бессмысленное занятие.

Покончив с ужином, он вымыл тарелку и вернулся в свою спальню. За окном уже опустилась ночь. Он лег на кровать и заснул. После пережитого сон инспектора был на удивление спокойным и ровным.

На следующее утро Гэлбрайта разбудил телефонный звонок. С некоторой неохотой он босиком направился прямо к телефону и снял трубку.

— Маэстро, скажите «vosê»! «Vosê» означает «вы»! — неизвестного абонента, казалось, распирало от веселья.

Гэлбрайту было трудно понять, какого пола был звонивший, настолько тот повысил свой голос. Инспектор слегка растерялся — видимо, абонент рассчитывал на то, что ему скажут в ответ «Алло»? или что-нибудь в этом роде. Однако Гэлбрайт только нахмурился и повесил трубку. Несмотря на шуточный — можно даже сказать, «истеричный» — тон незнакомца, Гэлбрайту пришла в голову мысль, что это на первый взгляд абсурдное послание несло в себе какой-то угрожающий смысл.

Инспектор сел на кровать и начал натягивать брюки. Пытаясь понять смысл только что услышанного урока португальскому языку, он почувствовал смутное беспокойство, связанное с этим звонком. Если этот человек действительно был ему совершенно незнаком — в чем Гэлбрайт действительно сомневался, поскольку маловероятно, что кто-то мог случайно набрать его домашний номер — то с какой целью он звонил ему? Может быть, его целью было

проверить, дома ли хозяин?

Гэлбрайт уже начал жалеть о том, что поднял трубку. Он был уверен, что, кто бы там ему ни звонил, его самого ждут серьезные неприятности. Кое-как натянув брюки и застегнув рубашку, он поплёлся в ванную, где долго умывался и чистил зубы, чтобы окончательно стряхнуть с себя остатки сна. Умывшись и окончательно проснувшись, инспектор вышел из ванной и взглянул на часы, висевшие в коридоре — было уже без двадцати одиннадцать. «Я снова проспал», — подумал Гэлбрайт, «надо было завести будильник прошлой ночью... Впрочем, хуже не будет», — успокоил он себя, «тоже мне беда — проспать два часа!»

Он вдруг вспомнил о том, что не стирал свой промокший под дождём костюм аж с позавчерашнего дня. Бросившись обратно в ванную, Гэлбрайт начал перебирать уже слегка отсыревшую кучу мокрых тряпок, которую он бросил за ванну. Внезапно из кармана его пиджака высунулся белый краешек бумаги. Инспектор схватился за него и притянул к себе — в его руке оказалась та самая фотография, которую он по какому-то странному наитию взял с столика, стоявшего рядом с зеркалом в доме семьи Йонс. Глядя на пухленькое личико малышки, спящей на руках у миссис Йонс, Гэлбрайта поразила молния — о Боже, Делия!

С того момента, как он попрощался с девочкой после звонка господина главного инспектора Сеймура, Гэлбрайт не особенно думал о ней, но теперь, глядя на фотографию времён её младенчества, он понял, что медлить нельзя. Поэтому он решил наскоро позавтракать и по окончании этих приготовлений тут же отправиться в полицейский участок. Положив фотографию счастливой семьи на тумбочку в прихожей, он быстро прошёл на кухню и сразу же открыл холодильник. Его взгляд тут же привлекла копчёная свинина и бутылка белого вина — единственные продукты в его доме, которые не требовали приготовления. Достав их из холодильника, Гэлбрайт начал нарезать копченое мясо толстыми ломтиками, думая о том, что, конечно, употребление алкоголя перед работой было не лучшей идеей, но ему просто не хотелось тратить драгоценное время на такие по сути бесполезные вещи, как приготовление кофе...

Когда от мяса на тарелке остались только крошки, он посмотрел на стеклянную зеленоватую бутылку. Да, он даже не заметил, как выпил всё вино до дна... Выбросив бутылку в мусорное ведро, стоявшее под раковиной, Гэлбрайт потянулся за чистым пиджаком, который накануне вечером он повесил прямо на кухонную дверь. Надев его, инспектор взял с прикроватного столика фотографию семьи Йонс и, сказав спящему ребенку «Извини, что я так поздно...», на ходу положил её в карман пиджака. Дальше был обычный маршрут — лестница, и затем вниз по ступенькам к выходу из дома...

Выйдя на улицу, инспектор обратил свой взор на сияющее в небе солнце и быстро направился к метро. Спустившись под землю, ему пришлось три минуты ждать своего поезда. Как только вагон наконец подъехал к станции, он нырнул в открывшиеся двери и, увидев, что все места были заняты, схватился за поручень... Сойдя на нужной станции, Гэлбрайт поднялся наверх вместе со всеми остальными людьми и чуть ли не бегом направился в свое полицейское управление. Когда он почти достиг своей цели, то вдруг увидел розовощекого врача, сидевшего на скамейке под столбом, на котором висел агитационный плакат «Magistratus oportet servire populo» (Полиция должна служить народу).

— Добрый день, Мэтт! — крикнул Гэлбрайт, приближаясь к доктору.

— Привет, — ответил тот бесцветным голосом.

Доктор, опершись обеими руками о скамейку, повернул голову к инспектору, который уже

подошел к нему. По внешнему виду Мэтта было сразу было видно, что он был не в настроении, как будто его что-то беспокоило. Это не было хорошим знаком для Гэлбрайта.

— Ты случаем не знаешь, как поживает наша юная леди Йонс?

С этими словами инспектор, в жилах которого под воздействием выпитой бутылки вина, казалось, горел огонь, сел рядом с Мэттом.

— Именно в этом и заключается суть всех вещей, — мрачно сказал доктор, отрешённо глядя куда-то вперёд.

— Я извиняюсь... — Гэлбрайт, который уже начал что-то подозревать, придвинулся поближе к собеседнику.

— Сегодняшние новости на редкость отвратительны... — доктор повернулся к нему, — ты ведь не торопишься, дружище? — его глаза странно сверкнули.

— Нет... Но почему они отвратительны? — инспектор был слегка удивлен.

— Слушай. В общем, когда мы привели девочку сюда, — он кивнул в сторону здания полицейского управления, — она начала жаловаться, ну, как это обычно бывает у женщин... — Мэтт немного смутился.

— Ты хочешь сказать, что у Делии начались месячные? В десять лет? — лицо инспектора вытянулось.

— Да, это редкость, но всё-таки бывает, — поспешно сказал доктор, — но я не об этом собираюсь говорить. Короче говоря, врач Морис подошел к ней, и она начала описывать ему... Вкратце, девочка сказала, что у неё внутри паразит...

— Бредово звучит, — инспектор уронил голову на руки.

— Конечно, она совсем не так выразилась, — защищаясь, сказал Мэтт, — но в общем, Морис забеспокоился и велел отвезти девочку в детскую больницу Рэндалла и вызвался сам сопровождать её по пути.

При этих словах Мэтт перевел дыхание и поднес руку к вспотевшему лбу.

— Продолжай, — поторопил его Гэлбрайт

— Я могу вспомнить только то, что Морис сам мне рассказал, поскольку я сам не был очевидцем тех событий, — несколько беззаботно ответил его собеседник.

Мэтт, произнеся эти слова тоном комика, ожидающего аплодисментов по окончании своего выступления, высморкался прямо в руку и вытер её о скамейку, в результате чего его сосед невольно отодвинулся. Затем розовощекий доктор продолжил:

— В общем, Морис с Делией приехали в детскую больницу Рэндалла, и там они сразу же отправились на прием к гинекологу. Тот, осмотрев пациентку, сказал, что у неё действительно что-то было внутри...

— Эмм... — Гэлбрайт замер с открытым ртом.

— Нет, это была не беременность, это было нечто иное, — уверенно сказал Мэтт.

Гэлбрайт, которого замечание доктора немного успокоило, спросил его о том, что произошло дальше.

— А потом гинеколог сказал Морису, что они пока положат молодую леди в палату и начнут подготовку к операции по удалению... Чёрт, забыл этот медицинский термин... Но я помню, что, по словам Мориса, этому человеку никогда раньше не приходилось сталкивался с чем-либо подобным за всю свою карьеру.

— Довольно интересная история... — кивнул Гэлбрайт.

— Я ещё не закончил, — сказал Мэтт, — Морис, оставив гинекологу номер своего домашнего телефона, покинул больницу и отправился домой. Это было позавчера.

— Ладно, так что было дальше?

— А вчера ему позвонили поздно вечером — сказали, что уже всё посмотрели и ко всему подготовились, и поэтому завтра маленькой девочке проведут гистерэктомию.

— Что именно? — не понял инспектор.

Гэлбрайту показалось, что он уже встречал такое слово раньше, но забыл его значение.

— Удаление матки, — с мрачной торжественностью ответил Мэтт.

— Бог ты мой! — выкрикнув это, инспектор схватился за голову.

— Я тоже потрясен этим, как и ты, — начал успокаивать его доктор, — даже в двадцать восемь лет такая операция — уже серьезный шаг, а тут маленький ребёнок...

— Почему они решили это сделать? — Гэлбрайт с огнём в глазах вскочил со скамейки.

— Ладно, приятель, успокойся, — Мэтт попытался урезонить собеседника, но тот не унимался.

— Скажи мне, почему? — почти театрально воскликнул Гэлбрайт.

— Ну... Морис сказал мне, что эта штука — не помню термина — почти полностью выросла в эндометрий, и без полного удаления матки гинеколог не видел другого способа помочь молодой леди.

Взрыв отчаяния сменился унынием, и Гэлбрайт снова опустился на скамейку рядом с Мэттом.

— И сегодня утром Морису позвонили, дабы сообщить, что девочка, как бы это сказать... — доктор начал подыскивать слова.

— Не томи меня, пожалуйста... — пробормотал инспектор

— В общем, сотрудник детской больницы Рэндалла сказал Морису, что её пульс перестал прощупываться.

Наступила тишина, нарушаемая только шумным дыханием Мэтта. Гэлбрайт почувствовал, что его собственное сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Как звали того гинеколога, который проводил эту операцию? — спросил он через минуту.

В его голове начал складываться план дальнейших действий.

— Помню, Морис говорил, что это был... — начал вспоминать доктор.

— Имя, приятель, мне нужно имя! — заорал Гэлбрайт на розовощекого мужчину.

— Экой ты горячий... — Мэтт отстранился от него. — Итак, он сказал мне, что гинеколог представился ему доктором Бэйзлардом.

В следующее мгновение Гэлбрайт вскочил со скамейки и бросился в полицейское управление. Мэтт что-то крикнул ему вслед, но ветер в ушах помешал инспектору расслышать его слова. Оказавшись внутри самого здания, он притормозил и, ни с кем не здороваясь, поднялся на второй этаж в свой кабинет. Там он сел за стол и, придвинув телефон поближе к себе, набрал номер телефона справочной службы. Когда в трубке раздалось «Алло, я вас слушаю», Гэлбрайт, стараясь придать своему голосу как можно более спокойные интонации, попросил продиктовать ему номер телефона руководства детской больницы Рэндалла. Ответ, который он получил, был «Подождите пару минут».

Инспектор положил трубку телефона рядом с аппаратом и начал искать бумагу. Когда он наконец положил перед собой чистый лист и достал ручку из ящика стола, в трубке раздалось «Пишите». Придерживая её плечом, Гэлбрайт схватил ручку и под диктовку записал на бумаге номер телефона больницы. Поблагодарив человека из справочной службы, он закончил разговор и, пробежав глазами по листку, набрал номер. Трубку сняли почти сразу.

— Вы позвонили в детскую больницу Рэндалла, — услышал Гэлбрайт мелодичный женский голос.

— Здравствуйте, не могли бы вы дать мне домашний адрес доктора Бэйзларда?

— Мы не разглашаем личную информацию своих... — начала было девушка, но инспектор перебил её.

— Я из полицейского управления Портленда, — сухо сказал он.

— Хорошо, оставайтесь на линии, — ответил женский голос.

Гэлбрайту пришлось подождать несколько минут. Наконец девушка вернулась и начала диктовать ему адрес — инспектор едва успел схватить ручку. Когда он вывел последнюю букву, женский голос спросил его «Что-нибудь еще?», но он просто попрощался и положил трубку. «Что ж, замечательно», — подумал он, — «вот он, адрес того самого человека, который своими собственными руками убил невинного ребёнка». Гэлбрайт, несколько раз перечитав бумажку, сложил её в четыре раза и положил в тот же карман, где лежала фотография трёх счастливых людей, представлявших собою семью Йонс.

Гэлбрайт вышел из здания полицейского управления и взглянул на скамейку, стоявшую под агитационным плакатом — Мэтт уже куда-то ушёл. «Ладно, это не имеет никакого значения», — подумал инспектор. Навстречу ему ехал желтый автомобиль с характерным рисунком в виде шахматной доски на дверце. Инспектор остановил такси и, назвав водителю название улицы и номер дома, откинулся на спинку заднего сиденья. Он начал прикидывать, что доктор Бэйзлард, вероятно, всё ещё находился в больнице, так что была велика вероятность того, что ему не удастся застать его дома. Гэлбрайт не был уверен в том, чего он на самом деле добивался от этого визита, но он был твердо убежден в том, что ему обязательно нужно пересечься с этим человеком до того, как дело о «Смерти Делии Йонс под ножом хирурга»

попадет в суд, так что нельзя было терять времени.

Водитель быстро доставил своего пассажира туда, куда ему было нужно. Гэлбрайт на радостях дал таксисту щедрые чаевые, и машина двинулась дальше. Тем временем сам инспектор остановился рядом с пятиэтажным зданием и, уперев руки в бока, стал смотреть вверх. Девушка из больницы сообщила ему номер квартиры доктора Бэйзларда, но он был озабочен проблемой того, как ему туда добраться — у Гэлбрайта не было с собой необходимых ключей, отмычек или чего-либо подобного. Неужели ему придётся лезть в окно, как в дешевых шпионских фильмах?

Эти размышления были прерваны мужчиной лет пятидесяти, который, проходя рядом с инспектором, случайно задел его плечом. Гэлбрайт, решив, что стоит попытать счастья, немедленно обратился к этому человеку:

— Это не вы, случаем, доктор Бэйзлард? — спросил он несколько наивным тоном.

Старик остановился и повернулся к окликнувшему его инспектору. У него было морщинистое лицо и круглая голова, на которой почти не оставалось волос. Его глаза, заплывшие жиром, смотрели на Гэлбрайта с каким-то ласковым укором. Увидев эти глаза, инспектор внезапно мысленно перенёсся на целых двадцать четыре года назад — ведь это был тот самый мистер Бэйзлард, который часто посещал дом Гэлбрайта и прямо на глазах у будущего инспектора сидел рядом с камином в гостиной и делился своими историями с хозяевами. Во время этих рассказов отец Гэлбрайта постоянно рассеянно улыбался этому тогда ещё двадцатилетнему джентльмену, в то время как мать Гэлбрайта, которая иногда заходила к ним из кухни, чтобы узнать, не нужно ли им чего-нибудь принести, качала головой и бормотала что-то неразборчивое себе под нос.

Инспектор навсегда запомнил, как мистер Бэйзлард поделился с ними своим случаем, связанным с операцией на мозге дровосека. Даже спустя такое количество времени инспектор всё ещё помнил имя того бедняги — Дункан. Суть заключалась в том, что у этого лесоруба, который был весьма пожилого возраста, была диагностирована опухоль головного мозга, ввиду чего его жена решила обратиться к врачам местной больницы. Мистер Бэйзлард, который в то время работал там главным хирургом, сразу же взял Дункана под свою опеку и, держа его в изоляции, долго наблюдая за его состоянием, словно чего-то выжидая. И в один прекрасный день, когда дровосек окончательно потерял способность мыслить — не в последнюю очередь из-за условий, в которых его содержали — мистер Бэйзлард затащил Дункана в операционную, где, вколыв ему обезболивающее, взялся за дело.

Инспектор помнил, как Бэйзлард подробно рассказывал его семье о том, как он для начала провел Дункану трепанацию черепа, а затем разрезал ткань мозга и начал было удалять опухоль, но когда оказалось, что та проросла в лобные доли, мистер Бэйзлард, выражаясь его собственными словами, понял, что это была капитуляция. Он не сказал тогда, что именно случилось с Дунканом по окончании той операции, но похороны дровосека, которые состоялись на следующий день после рассказа доктора, говорили намного больше его слов.

Всё это время Гэлбрайт был уверен, что доктор Бэйзлард давно умер, и теперь с удивлением смотрел на него, живого и здорового, и более того, получившего престижную должность в одной из лучших больниц Портленда...

— Могу я спросить, в связи с чем вы ко мне обратились? — размышления инспектора были прерваны тихим, но твердым голосом пожилого человека.

Вместо ответа Гэлбрайт показал тому свое полицейское удостоверение. Доктор молча кивнул головой и, открыв входную дверь, пропустил полицейского вперёд. Поднявшись на пятый этаж, он обратился к инспектору с какой-то странной веселостью:

— Надеюсь, ваш интерес к моей персоне не слишком разносторонен... — сказал он.

— Не волнуйтесь, просто у полиции есть к вам несколько вопросов, — успокаивающим тоном ответил Гэлбрайт.

Океан ненависти бурлил во всём его существе, но, будучи инспектором полиции, Гэлбрайт научился контролировать его волны. Когда они наконец вошли в квартиру, он повернулся к доктору и сказал:

— Давайте выпьем чаю, и в спокойной обстановке вы мне ответите... — он не успел договорить.

— Я поставлю чайник, но вы можете задавать вопросы прямо сейчас, — услужливо ответил Бэйзлард.

Инспектор посмотрел на него чуть внимательнее — всем своим видом его собеседник выражал нетерпение и скрытое раздражение. Бэйзлард явно куда-то спешил, и было очевидно, что неожиданный визит полицейского вовсе не входил в его планы, а был лишь препятствием на пути к какой-то важной цели.

— Вы торопитесь? — невольно вырвалось у Гэлбрайта.

— В Англию, по делам, — последнее слово его собеседник промурлыкал, словно сытый кот.

После этого доктор пошел на кухню. Гэлбрайт подумал про себя, что «знаю я, какие у вас там дела — убили ребёнка и решили немедленно сбежать с места преступления...»

— Хорошо, — весело сказал инспектор вслух, — я так понимаю, вы только что после операции? — спросил он, стараясь не давать волю своему пылу.

— Такое чувство, что вы ясновидящий, мистер, — донесся из кухни голос доктора.

Гэлбрайт заглянул туда — Бэйзлард, гремя тарелками, доставал пачку чая с верхней полки буфета.

— В самом деле, не нужно комплиментов, — подыграл доктору инспектор. — Кого оперировали?

— Ах, пустяки. Так, маленькая, незначительная штучка, — отмахнулся доктор, ставя чайник под проточную воду.

«Незначительная, ну конечно», — подумал Гэлбрайт, — «прервал жизнь маленькой девочки, которая ещё даже толком не познала этой жизни...»

— Чем вы занимались раньше? — инспектор понял, что Бэйзлард не узнал в нем того маленького мальчика из Глостера.

— Ну, я делал всевозможные операции, — довольно охотно ответил собеседник.

— В Америке? — поинтересовался Гэлбрайт

— И в Америке, и в Англии, откуда я, собственно говоря, родом, — продолжал врач.

— Хорошо, — сухо ответил инспектор.

Чайник постепенно начинал нагреваться. Взглянув на плиту, доктор направился к буфету.

— Вы чай со сладостями пьёте или просто так? — спросил он своего гостя.

Гэлбрайт хотел было согласиться с последней фразой, но вдруг подумал о том, что будет лучше, если Бэйзлард задержится ещё немного.

— Я люблю мармелад, — солгал инспектор, — у вас не найдется пара кусочков?

— Хм... Я постараюсь выполнить вашу просьбу, — открыв дверцу буфета, доктор начал в нём рыться.

Стараясь не шаркать ногами по скользкому линолеуму, которым был покрыт пол в квартире доктора Бэйзларда, инспектор тихо выскользнул в коридор и, увидев открытую дверь кабинета, заглянул внутрь. Его внимание сразу же привлек высокий письменный стол, на котором стояла ваза с жёлтыми астрами. Рядом с ней лежали маленькие листки бумаги, исписанные черными цифрами. На самом верхнем из них были видны пометки, сделанные красным карандашом.

И тут на инспектора будто снизошло озарение. Он подошёл к столу и выдвинул самый нижний ящик. Там, среди каких-то топографических карт и машинописных листов лежала фотография, которую Гэлбрайт немедленно взял в руки. На пожелтевшей черно-белой фотографии был заснят невероятно тощий мужчина с непропорционально большой, гладко выбритой головой, одетый в смиренную рубашку. Он улыбался фотографу беззубой улыбкой, опираясь левой рукой на больничную койку. Перевернув фотографию, Гэлбрайт прочитал текст, написанный черными чернилами: «Дункан (рак мозга), 1967».

— Это определённо один и тот же человек, — еле слышно произнес инспектор.

Он сам не понимал, о ком говорил — о самом докторе или же о его давно сгнившем в земле пациенте. Но как бы то ни было, это вещественное доказательство окончательно подтвердило, что Гэлбрайт очутился на правильном пути. Внезапно сзади него послышался громкий топот. Он обернулся — на пороге стоял доктор Бэйзлард. Его грудь тряслась под костюмом, а всё лицо было искажено гримасой ярости. Казалось, глаза доктора пытались пронзить гостя насквозь. Но инспектор не пал духом — напротив, состояние, в котором сейчас находился его, с позволения сказать, противник, настроило полицейского на решительный лад. Гэлбрайт выпрямился и, выпятив грудь, гордо вздернул подбородок.

— Вы убили этого дровосека двадцать четыре года назад, — начал он торжественным тоном, — а сегодня утром под вашим скальпелем оказалась маленькая девочка. Она шла навстречу своей судьбе, могла изменить ход истории, но, к сожалению...

Инспектор не успел закончить свою насыщенную эмоциями речь.

— Чего ты хочешь от меня, червяк? Признания? — старик закричал так громко, что Гэлбрайт от неожиданности отскочил в сторону. — Держи своё признание!

И в эту самую секунду Бэйзлард подбежал к письменному столу. Гэлбрайт приготовился дать отпор доктору, но тот просто выдвинул верхний ящик стола и, достав оттуда стопку бумаг, подбросил их в воздух. Листы разлетелись по всей комнате и медленно упали на пол.

Инспектор подавил желание схватить их и посмотреть, что на них было написано.

— Я распорядился их душами подобно Богу, потому что мне так хотелось, понятно?! — хозяин квартиры продолжал кричать фальцетом.

Выкрикнув эти слова, доктор Бэйзлард достал из кармана своего пиджака маленький флакончик с какой-то жёлтой жидкостью и начал отвинчивать стеклянную пробку.

— Только не подходи ко мне, ты, тварь дрожащая! — в гневе сказал он, понизив голос и растягивая слова.

После этого он запрокинул голову, выплеснув всё содержимое флакона себе в горло. Гэлбрайт невольно забеспокоился — тело доктора задрожало, по нему прошла волна дрожи, но, казалось, он даже не заметил этого.

— Ты не уходишь?! Убирайся отсюда, быстро! — крикнул Бэйзлард с отвращением.

Но, как ни странно, после этих слов доктор, схватив лежавшую рядом с дверью кожаную папку, сам вышел из своей квартиры. Инспектор, продолжая стоять у стола, слышал громкий топот доктора, доносившийся с лестничной площадки. Подождав, пока хлопнет входная дверь, Гэлбрайт наконец решил убраться отсюда. Его дальнейшие действия были крайне непрофессиональными — он не провел обыск и даже не закрыл за собой дверь уже осиротевшей квартиры. Вспомнив фразу доктора «В Англию, по делам», инспектор понял, что их встреча произошла по счастливому стечению обстоятельств — если бы Гэлбрайт опоздал хотя бы на минуту, Бэйзлард давно бы уехал на вокзал и тогда им бы не удалось пересечься.

Спустившись вниз, Гэлбрайт огляделся — как он и предполагал, доктор давным-давно исчез. Инспектор поймал такси и через некоторое время его высадили прямо у входа в полицейское управление. Выходя из машины, Гэлбрайт заметил стоявшего у скамейки молодого сержанта Соссюра, который вёл оживленную беседу с неким пожилым джентльменом в пальто, из-под которого выглядывал зеленоватый атласный жилет. Увидев Гэлбрайта, сержант прекратил дискуссию и уставился на инспектора с некоторым любопытством.

— Чем могу служить, господин инспектор? — вежливо спросил он его. — Дело вот в чем, — не дожидаясь его ответа, начал Соссюр, — один гражданин из Португалии, — сержант кивнул на джентльмена в пальто, — в сопровождении трёх своих друзей прибыл сюда и хочет срочно переговорить с нашим начальством...

Сам гражданин Португалии в это время молча стоял рядом с Соссюром и сверлил Гэлбрайта пронзительным взглядом своих маленьких глаз. Его редкие седые волосы были тщательно зачесаны назад, а рот презрительно скривился, как будто он терпеть не мог находиться в компании американских полицейских. Инспектор, не сказав Соссюру ни слова, прошел мимо них и шагнул в открытые двери полицейского участка.

— Но у них нет времени ждать, ибо они спешат попасть в аэропорт, — донесся до его ушей голос сержанта.

Инспектор, переступив порог, с удивлением обнаружил, что в этот самый момент в помещении полицейского участка было необычайно много людей — несколько взрослых в штатском, группа подростков в спортивных костюмах и какие-то пожилые женщины в ярких платьях... Гэлбрайт, не останавливаясь, направился в кабинет господина главного инспектора Сеймура. Когда он поднялся на второй этаж и открыл дверь в кабинет, тот оторвался от своих бумаг и, бросив равнодушный взгляд на гостя, сказал:

— Что ж, Гэлбрайт, давайте посмотрим, чего вы там нарыли. Присаживайтесь, пожалуйста.

Он кивнул в сторону кресла, но Гэлбрайт, сухо поблагодарив его, вместо этого достал из кармана две фотографии и, положив их на стол перед господином главным инспектором, подождал, пока тот обратит на них своё внимание. Внимательно рассмотрев фотографии, Сеймур, бросив мимолётный взгляд на фотографии, поднял глаза, полные едва сдерживаемого любопытства, на своего гостя.

— На первой фотографии запечатлён дровосек, умерший двадцать четыре года назад, — начал Гэлбрайт, — это произошло в Глостере, где я провел свое детство. Бедняга умер прямо на операционном столе — ему вскрыли мозг, чтобы удалить опухоль. А на втором снимке, — в этот момент его голос непроизвольно дрогнул, — заснята семья Йонс с их маленькой дочерью, которой в следующем году исполнилось бы одиннадцать лет, но, к сожалению, она умерла сегодня утром в палате детской больницы Рэндалла после операции по удалению жизненно важного внутреннего органа.

Гэлбрайт хотел придать своей речи как можно более официальный оттенок, чтобы не выдать господину главному инспектору тех чувств сопереживания, которые он сам не ожидал испытать по отношению к малышке, которую знал самое большее один день. Но Сеймур был слишком проницателен, и инспектора охватило душевное смятение. Гэлбрайт прервал себя — он вдруг почувствовал, что за каждым словом речи, которую он сейчас произносил своему слушателю, скрывалась почти физическая боль, какая-то неумолимая тяжесть, камнем упавшая на его сердце.

— Итак... — произнес господин главный инспектор в наступившей тишине.

— За обеими этими смертями стоял один и тот же человек — доктор Бэйзлард, который работал в больнице, о которой я упоминал. Сегодня утром, сразу после смерти ребёнка, доктор собрал свои вещи и отбыл в Англию, чтобы, я в этом уверен, избежать судебного преследования.

Гэлбрайт достал из кармана пачку сигарет, вытащил одну и щелкнул зажигалкой.

— Его возвращения в Америку я не жду, — добавил он с какой-то обидой, поднося сигарету ко рту.

После этого он подошел к окну и остановился, глядя вниз на улицу, полную людей. О чем он думал в тот момент? Трудно сказать. Скорее всего, Гэлбрайт вспоминал о том, что любит эту жизнь, любит Портленд, его улицы и всех его жителей. А может быть, он предавался Большой Скуке, вызванной, конечно, не какими-то праздными мыслями, но мрачными переживаниями... Он не видел, что делал в этот момент господин главный инспектор Сеймур, да и не хотел видеть — закончив свою речь, Гэлбрайт словно сбросил с плеч невидимый, но невероятно тяжёлый груз, который до этого давил на его душу.

Внезапно он услышал у себя за спиной вкрадчивое покашливание. Потушив сигарету, инспектор отвернулся от окна, поняв, что это был приказ вернуться к столу.

— Знаете, Гэлбрайт, — начал господин главный инспектор Сеймур, — вы явно так обеспокоены судьбой этой юной леди, что я чувствую себя обязанным отправить вас к Джордану Тёрлоу.

— Простите, но кто это? — Гэлбрайт сделал шаг ближе и склонил голову, словно боялся пропустить хоть слово.

— Это субъект, отбывающий наказание в исправительном учреждении Колумбия-Ривер. Он был приговорен к восемнадцати годам тюремного заключения по подозрению в изнасиловании несовершеннолетней девочки, которая была дочерью его соседей. Суд обвинил его в том, что он воспользовался доверием матери жертвы и заставил самого ребёнка посетить его дом, где оказывал на него давление и моральный прессинг.

Слушая эту историю от господина главного инспектора, Гэлбрайт подумал о том, как было бы замечательно, если бы все гадости и горести, которые этот мир приносит людям, случались только с теми, кто этого заслуживает, но никогда с маленькими, невинными детьми. «Но увы, люди не делятся на хороших и плохих», — с грустью подумал он. Тем временем Сеймур продолжал свой рассказ.

— Перед арестом мистер Тёрлоу, по словам родителей девочки, надругался над ней в квартире своего друга. В целом, мне стоит отметить, что у неё был очень эмоциональный отец — он был готов буквально на всё, чтобы засадить за решетку обоих мужчин, но суд постановил, что вина друга Джордана не была доказана.

— Понятно, — сказал Гэлбрайт, когда Сеймур закончил свою речь, — и что же вы предлагаете мне делать?

— Поезжайте в исправительное учреждение Колумбия-Ривер и попросите об аудиенции с этим заключенным. Насколько я знаю, на самом деле он вовсе не плохой парень, но вы же знаете о силе публичного порицания...

— Что я с этого получу? — от волнения Гэлбрайт перебил господина главного инспектора.

— Это зависит только от вас, Гэлбрайт, — тихо ответил тот, — может быть, душевное спокойствие, а может быть, жажду к действию. В любом случае, слова мистера Тёрлоу внесут ясность в ваши мысли.

Гэлбрайт невольно опустил на стул. Он не осмеливался принимать эти слова господина главного инспектора за чистую монету, но какой-то частью своей души понимал, что, к сожалению, это является правдой.

— Я не берусь решать за вас, что вам нужно, могу лишь сказать, как я представляю вашу дальнейшую тактику, — продолжил Сеймур. — Вы ведь вправду хотите пойти до конца и уничтожить этого человека? — вдруг произнёс он, имея в виду доктора Бэйзларда.

— Простите, вы действительно сказали... — Гэлбрайт хотел переспросить собеседника, но Сеймур поднял руку.

— Это образное выражение, — как бы утешая своего слушателя, сказал он, — потому что никто не собирается доводить это дело до полного уничтожения подозреваемого. Мы полицейские, Гэлбрайт, а не палачи.

— Так что же мне делать прямо сейчас? — начал терять терпение Гэлбрайт.

— Езжайте, — важно и лаконично сказал господин главный инспектор.

С этими словами он надел очки и пододвинул к себе толстую стопку бумаг, давая понять своему собеседнику, что тот свободен. Возможно, господин главный инспектор намеревался добавить к этому «Прощайте», но тут в кабинет ворвались четыре человека в штатском, среди которых Гэлбрайт узнал того самого седовласого мужчину с зелёной жилеткой, который не так

давно разговаривал с молодым сержантом Соссюром. Инспектору ничего не оставалось, как покинуть кабинет Сеймура и направиться к выходу из полицейского управления.

Выйдя в коридор и закрыв за собой дверь, Гэлбрайт слышал, как четверо португальцев начали громко выкрикивать какие-то фразы на своём родном языке, явно пытаясь продемонстрировать господину главному инспектору, насколько важное значение имеет их дело, и насколько им нужно немедленное вмешательство американской полиции. Только добравшись до лестницы, ведущей на первый этаж, Гэлбрайт перестал слышать их яростные крики и спокойно начал спускаться. Оказавшись на первом этаже, инспектор немного поколебался, вспоминая название колонии, которое назвал ему Сеймур, а затем решительно толкнул дверь и вышел на залитую солнцем улицу.

<http://tl.rulate.ru/book/102483/3539632>